

УДК/UDC 101.1

DOI: <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-104-109>

EDN: MDPXDL

Научная статья/Original article

КРИТИКА ЛАНДШАФТНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ФИЛОСОФСКИХ ТРАДИЦИЙ

А. Г. Андрушкевич

Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук,
Россия, 634055, г. Томск, пр. Академический, 10/4

andryusha.fsf@gmail.com

Настоящая статья представляет собой критический анализ концепции ландшафтной детерминации философских традиций, предложенной в работе Ю. В. Попкова и Е. А. Тюгашева *Ландшафтные миры философии: поморский ландшафт и континентальная философия*.

Рассматриваются наиболее фундаментальные характеристики аналитической философии, к которым относится приоритет логики и значимость аргументации, выделение языка в качестве центрального элемента, анализ которого представляется в качестве основного инструмента для решения философских проблем, а также исследовательская последовательность и ясность, характерные для естественных и точных наук. На основании рассмотрения выделенных выше отличительных особенностей, определяющих специфический аналитический стиль философствования, демонстрируется методологическая несостоятельность концепции ландшафтных миров. Утверждается, что редукция своеобразия философских традиций к географическим и этнографическим факторам безосновательна. Отдельно рассматривается тезис о 'континентализме' философии Л. Витгенштейна.

Демонстрируется, что сущностное, содержательное и стилистическое различие между аналитической и континентальной традициями в современной философии лежит в плоскости отношения к науке, стилю мышления и эпистемологическим установкам, а не ландшафтного происхождения. В качестве альтернативы предлагается понимание аналитической философии как интернациональной традиции, объединенной общими нормами рациональности и аргументативной практики.

Ключевые слова: аналитическая философия, континентальная философия, ландшафтные миры, метафилософия, лингвистический поворот, Витгенштейн

Для цитирования: Андрушкевич А. Г. Критика ландшафтной детерминации философских традиций. *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2026. Т. 11, № 3. С. 104–109. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-104-109>. EDN: MDPXDL.

© Андрушкевич А. Г., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

CRITIQUE OF LANDSCAPE DETERMINISM FOR PHILOSOPHICAL TRADITIONS

A. G. Andrushkevich

Tomsk Scientific Center Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Akademicheskii Ave., 10/4, Tomsk, 634055, Russia

andryusha.fsf@gmail.com

The article presents a critical analysis of the concept of landscape determination for philosophical traditions, proposed in *Landscape Worlds of Philosophy: The Pomor Landscape and Continental Philosophy* by Yu. V. Popkov and E. A. Tyugashev.

The author considers the most fundamental characteristics of analytic philosophy, including the priority of logic and the significance of argumentation, the emphasis on language as a central element, the analysis of

which is presented as the main tool for solving philosophical problems, as well as the research consistency and clarity characteristic of the natural and exact sciences. Based on an examination of the distinctive features identified above, which determine the specific analytical style of philosophizing, the methodological inconsistency of the landscape worlds' concept is demonstrated. It is argued that the reduction of the uniqueness of philosophical traditions to geographical and ethnographic factors is unfounded. The thesis on the 'continentalism' of Ludwig Wittgenstein's philosophy is separately considered.

It is demonstrated that the essential, substantive, and stylistic differences between the analytic and continental traditions in contemporary philosophy lie in their attitudes toward science, their style of thought, and their epistemological precepts, rather than in their geographical origins. As an alternative, it proposes an understanding of analytic philosophy as an international tradition united by shared norms of rationality and argumentative practice.

Keywords: analytic philosophy, continental philosophy, landscape worlds, metaphilosophy, linguistic turn, Wittgenstein

For citation: Andrushkevich A. G. Critique of landscape determinism for philosophical traditions. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2026;11(3):104–109. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-104-109>. EDN: MDPXDL. (In Russ.).

© Andrushkevich A. G., 2026.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

Вопрос о влиянии природных и географических условий, вне всяких сомнений, особенно актуален тогда, когда дело касается национальной или этнической философской интеллектуальной традиции. Особенности мировосприятия во все времена находили свое отражение в творчестве не только художников, но и мыслителей. Однако вызывает сомнение тезис Ю. В. Попкова и Е. А. Тюгашева о том, что характер и содержание аналитической философии можно выразить посредством концепта 'ландшафтных миров' [1].

Концепция ландшафтных миров философии (ЛМФ) предлагает оригинальное, но методологически сомнительное объяснение различий между аналитической и континентальной философией (АФ и КФ) через призму географического детерминизма. Так, авторы утверждают, что в основе АФ лежит «водный, или морской комплекс представлений» [1, с. 67], который детерминирует ценности и ориентиры традиции, к каким относят четкость, ясность, однозначность границ, либерализм и интерес к языку. Географически, соответственно, АФ локализована в Великобритании, Скандинавии, Северной Америке и Австралии. В свою очередь КФ детерминирована 'поморской культурой', которая определяется как континентальная. Отдельно отметим, что политически КФ доктринально определяется как 'темное' почвенничество.

Основной тезис данной статьи заключается в следующем: ЛМФ представляет собой методологически несостоятельный редукционизм, упускающий из виду сущностные характеристики АФ как интернационального философского явления, для которого характерны приверженность логике, ясности и строгости аргументации. АФ ориентирована на идеалы научной рациональности, которая, соответственно, не вписывается в рамки национального или этнического мировосприятия. Тезис же Попкова и Тюгашева о 'континентализме' Л. Витгенштейна основан на поверхностном прочтении его биографии и игнорировании как его фундаментального вклада в формирование АФ, так и непосредственно его философских идей.

1. Критика методологических оснований ландшафтной концепции

Подход ЛМФ, как форма культурно-географического редукционизма, указывает на вне-философские детерминанты как на определяющие основания метафилософской оппозиции АФ/КФ. Представляется, что выявление внешних, природно-географических условий способно внести ясность в вопрос о том, что же представляет собой основная и привычная многим классификация философских направлений последних десятилетий. Собственно, именно это и оказывается наиболее сомнительным: на место сложных тенденций развития интеллектуальных традиций, которые формировались в философии XIX века, подставляется *спекулятивно-метафизический* тезис ЛМФ. То есть в основании ЛМФ лежит стратегия, которая непосредственно и была целью критики довоенных аналитиков. Не меньшее замешательство вызывает внутреннее противоречие: с одной стороны, утверждается, что АФ сформировалась в годы Второй мировой войны [1, с. 69], но, с другой — к классическим представителям относят (вполне правомерно) Г. Фреге, который умер в 1925 г., и Б. Рассела, *Principia Mathematica* которого публиковалась в период с 1910 по 1913 гг. То есть уже при поверхностном рассмотрении работы Ю. В. Попкова и Е. А. Тюгашева мы видим внутреннюю несостыковку предлагаемой программы, которая, в лучшем случае, воспринимается как *спекулятивный миф*.

Вместе с этим следует с известным недоверием отнестись к поспешному обобщению, которое предпринимают авторы. Не до конца понятно, на каком основании осуществляется переход от рассмотрения пространства Моря, которое изначально закрепляется за скандинавской культурой, к рассмотрению Австралийской и Североамериканской культуры. Если в случае с Великобританией еще уместно говорить о некотором влиянии ландшафта на мировосприятие (в герменевтическом смысле), то каким образом море оказало влияние на У. Куайна, уроженца штата Огайо? Мы могли бы привести больше примеров, но не видим в этом необходимости. К примеру, Фреге родился в портовом городе,

тогда как Витгенштейн учился в Великобритании (однако не на побережье). Географический критерий работает релевантным образом лишь в ряде избранных случаев и не в состоянии внести ясности в вопрос о границах АФ/КФ. Скорее, напротив, ЛМФ лишь подпитывает миф о территориальном делении современной философии. По логике авторов рассматриваемой работы, Венский кружок невозможен, поскольку, исходя из ЛМФ, должен базироваться на 'пространстве Земли'.

2. Критика редукционизма АФ к 'морскому комплексу'

Попков и Тюгашев пишут: «Возникший на палубе пиратского корабля приоритет 'Слова' над 'Делом' стал социально-практической основой того, [как] язык оказался в центре внимания античной философии. С учетом этого интерес аналитических философов к языку выглядит неслучайным» [1, с. 69]. Данный чисто спекулятивный пассаж кажется нам крайне сомнительным. Во-первых, спорным выглядит уже само по себе сопоставление деятельности представителей АФ с пиратами. Во-вторых, А. Данто проводит параллель между АФ и Сократом, для которого философия являлась жизненной практикой [2, р. 612], то есть буквально 'Делом'. И, наконец, в-третьих, интерес к языку действительно нельзя назвать случайным, но очевидно неправомерность его обоснования через 'Море' или 'атлантизм'. Феномен АФ, который, как отмечает А. Стролл, очень тесно связан со своей историей [3, с. 9], при историческом рассмотрении следует вписывать в контекст лингвистического поворота, который характеризуют всю философию XX века. Понятие 'поворота к языку' (*linguistic turn*) впервые мы встречаем у Г. Бергмана [4], но широкое распространение он получил благодаря Р. Рорти [5]. Историко-философский анализ явления лингвистического поворота (в том числе в контексте оппозиции АФ/КФ) представляется крайне перспективной и востребованной среди исследователей темой. Дело в том, что стремление к прояснению понятия вызвало неожиданный эффект. Дж. Серкис пишет по этому поводу: «Выражение 'лингвистический поворот' имеет сложную историю, сложность которой в некоторой степени опровергается коротким движением, которое 'поворот' должен описывать» [6, р. 705]. В сущности, поворот к языку не представляет собой единичного явления, в действительности наблюдается двойственность оказанного им эффекта.

Во-первых, классические проблемы метафизики и эпистемологии обрели языковую форму. Вопросы о структуре реальности, природе знания и даже морали начали рассматриваться через призму семантики, синтаксиса и прагматики. Например, проблема универсалий перешла в плоскость логико-семантического анализа (Г. Фреге, Б. Рассел), а дискуссии о скептицизме трансформировались в дебаты о критериях смысла (логический позитивизм). В рамках неокантианства язык рассматривается на стыке философии культуры и философской антропологии (Э. Кассирер).

Во-вторых, возникли совершенно новые тематические зоны. В рамках аналитической философии появились теория речевых актов (Дж. Остин, Дж. Сёрл), философия обыденного языка (поздний Витгенштейн, П. Ф. Стросон), аналитическая герменевтика (Д. Дэвидсон) и прагматическая семантика (Д. Льюис). В рамках КФ формируются фундамен-

тальная онтология М. Хайдеггера, структурализм и постструктурализм, структурный психоанализ Ж. Лакана.

Эти дисциплины не существовали бы без признания самостоятельности языка как исследовательского поля.

Непосредственно лингвистическому повороту в европейской философии предшествует инструменталистское понимание языка [7, с. 64–106], апогеем которой является концепция А. Марти. Полемизируя с современной ему лингвистической философией, Марти отстаивает функционально-целевую природу языка, развивая и защищая представление о языке как инструменте познания в духе античного *ὄργανον*. «Язык — это *органон*, который, как любой инструмент, может быть постигнут из целей или задач, которые он должен выполнять», пишет Марти [8, с. 53]. Рассматривая философию языка в качестве составляющей части общей науки о языке, Марти делит все имеющиеся языковые знаки на естественные и искусственные [8, с. 3–4]. При этом язык как феномен представляет собой именно искусственный знак, который был образован намеренно в целях передачи информации. Сама сущность языка, по мысли Марти, определяется именно той задачей, ради которой он был организован. И этой задачей, безусловно, является коммуникация между субъектами [9, с. 126]. Он утверждает, что язык следует анализировать не с точки зрения его онтологии или структуры, а через призму коммуникативной функции. Язык — это инструмент коммуникации в самом широком смысле слова, его формы, механизмы, правила и преобразования подчинены исключительно этой цели.

Однако представление о языке терпит существенные изменения в последней трети XIX в. На фоне роста дисциплинарности научного знания язык становится непосредственным предметом исследования для лингвистов, логиков, психологов. Будучи вовлеченным в научный дискурс не в качестве инструментального придатка к познанию, а в роли непосредственного предмета интереса, язык обретает новый статус. Как отмечает В. А. Ладов, за языком закрепляется «трансцендентальный статус, было признано, что он фундирует все сферы познавательной активности человека» [10, с. 6]. Философия перестаёт рассматривать язык как 'внешний атрибут' логики или психологии и признаёт за ним конститутивную функцию. В языке оформляется не только результат познания, в нем буквально создаются категории, на основании которых познание осуществляется.

Отсюда происходит центральное положение феномена лингвистического поворота: язык обладает трансцендентальной функцией, то есть задает предпосылки как таковой возможности опыта, коммуникации и социальной практики. Философский анализ трансформируется в языковой, а классические метафизические вопросы находят свои новые формулировки в плоскости семантики, прагматики и синтаксиса. И представители АФ, и феноменологи, и герменевты, и структуралисты, и постструктуралисты приходят к одному и тому же: сначала следует уточнить, *каким образом* мы говорим о вещах, лишь затем спрашивать, *что* они собой представляют. Язык в рамках лингвистической философии XX в. наделяется не вспомогательной, а учредительной силой, определяющей и границы познания, и конфигурацию культуры.

Таким образом, если феномен АФ вписывается в более широкий историко-философский контекст лингвистического поворота, то тезис о корреляции специфики аналитической традиции с 'психологией человека Моря' оказывается не выдерживающим никакой критики. Представители КФ столь же часто обращаются к феномену языка, но иначе, чем это делают аналитические философы, с иными целями. Тем не менее, с точки зрения ЛМФ, интерес к языку закрепляется как характерная черта именно АФ.

Акцентирование на вторичных, порою даже избыточных ассоциациях, какое предполагает концепция ландшафтных миров, исключает из поля зрения более глубокие, сущностные стилистические и методологические различия. К ним можно отнести отношение к науке, характер использования языка для решения проблем, стиль философствования¹. Специфика АФ определяется особым отношением к науке, но никак не близостью аналитиков к морю.

3. 'Континентальна' ли КФ?

Далее следует обратить внимание на следующую мысль, касающуюся КФ: «Неустранимое состояние сомнения ... неприемлемое для «почвенной» континентальной философии» [1, с. 70]. Не до конца понятно, каким образом авторы экстраполируют образ КФ XX в. на весь вектор развития западноевропейской мысли. Однако почему для КФ неприемлемым является неустранимое состояние сомнения? Мы склонны полагать, что все как раз-таки наоборот. Именно в рамках континентальной традиции формируется феномен постмодернизма как выражения общего экзистенциального и культурного состояния современности, утрату доверия к науке. Распространяются скептические релятивистские настроения, которые охватывают не только универсальность науки, но и ее нормативность, саму идею прогресса и рациональности. Постмодернизм — это свидетельство утраты доверия к модернистскому проекту Просвещения [12]. Этот проект становится для представителей КФ основной мишенью для критики, когда классические эпистемологические основания знания вытесняются, а на их место приходит эпоха пост-истины (*post-truth*) [13, с. 335].

Аналогичные выводы делает и Н. Леви: «Континентальные мыслители часто возражали против гегемонии науки в современной культуре, настаивая на том, что она не представляет собой ни единственный вид знания, ни даже самый базовый его вид» [14, р. 288]. Это возражение укоренено в более широкой критике модернистской рациональности и объективизма, характерной для континентальной традиции, начиная с Ницше и Хайдеггера, вплоть до постструктуралистов и представителей постмодерна. В рамках КФ наука мыслится не как нейтральный и универсальный инструмент познания, а как форма власти, дискурсивная практика, подверженная историческим и культурным трансформациям. КФ стремится исследовать границы научного знания, выявляя его предпосылки, идеологические компоненты и экзистенциальные следствия. Каким образом это сочетается с тем образом земного-слитного, который эксплицируется в ЛМФ, не до конца понятно.

Если феномен лингвистического поворота затрагивает не только АФ, но и КФ, то означает ли это, что континентальные мыслители тоже испытали влияние близости моря? А. Камю, к примеру, родился на побережье Средиземного моря, что, тем

не менее, не помешало ему избежать участи быть философом-аналитиком.

4. Критика тезиса

о 'континентализме' Витгенштейна

В работе Попкова и Тюгашева также дополнительно выделяется пять положений, призванных проиллюстрировать ориентацию Витгенштейна на континентальные ценности: (1) политический консерватизм²; (2) мистицизм и симпатии к философам-иррационалистам; (3) использование метафоры 'почвы'; (4) ценность для Витгенштейна семейных отношений, симптоматически проявившуюся в его теории 'семейных сходств'; (5) его мятущийся характер [1, с. 70]. Крайне сомнительным и уязвимым выглядит тезис, что эти пять положений определяют «его [Витгенштейна] сложное отношение к аналитической философии» [1, с. 67]. Витгенштейн внес решительный вклад в ее развитие, при том не единожды. И *Трактат*, и *Философские исследования* являются фундаментальными текстами для всей аналитической традиции, каждый из них определил вектор развития АФ своей эпохи: *Трактат* оказал колоссальное влияние на логический позитивизм и деятельность Венского кружка, *Философские исследования* — на оксфордскую философию обыденного языка.

Стиль, в котором написан *Логико-философский трактат*, предельно аналитический: четкая структура и стремление к логической прозрачности однозначны. Объяснять 'происхождение' данного текста простым влиянием 'морского комплекса', игнорируя нетривиальную одаренность автора, несколько абсурдно. Пункты же (1), (2) и (5) в принципе не касаются Витгенштейна как мыслителя. Напротив, обращение к его биографии выдает в нем последовательную и принципиальную личность, склонную к практической деятельности. Политические взгляды и личные интересы не находят своего отражения ни в структуре, ни в содержании его работ, ни в разрабатываемой им методологии. Если же (5) предполагает решительную смену его философских взглядов, то тогда ситуация становится еще более запутанной. Собственно, отвержению идей *Трактама* поздним Витгенштейном предшествуют десятилетия развития философских взглядов.

Относительно (3) хочется сделать акцент на контексте рассматриваемой метафоры: «Чем более пристально мы приглядываемся к реальному языку, тем резче проявляется конфликт между ним и нашим требованием (ведь кристальная чистота логики оказывается для нас недостижимой, она остается всего лишь требованием.) Это противостояние делается невыносимым; требование чистоты грозит превращением в нечто пустое. — Оно заводит нас на гладкий лед, где отсутствует трение, стало быть, условия в каком-то смысле становятся идеальными, но именно поэтому мы не в состоянии двигаться. Мы хотим идти: тогда нам нужно трение. Назад, на грубую почву!» [15, с. 126]. Как можно заметить, случайное совпадение с 'континентальными ценностями' никак не отдаляет Витгенштейна от АФ. Напротив, это максимально приземленное сравнение, переводящее фокус внимания АФ от позитивистских стремлений к созданию идеального языка к анализу обыденного словоупотребления.

Аналогичные замечания можно сделать и относительно (4). Не вызывает доверия интерпретация концепции 'семейных сходств' как проявления 'континентализма' Витгенштейна. Акцент авторов

на используемом ярлыке 'семейные' никак не отражает само содержание концепции, которое за ней скрывается. Разработанная Витгенштейном концепция призвана разрешить проблему определения понятий. Ее суть в демонстрации того, как функционирует язык. Ее появление — это следствие изначальной принадлежности Витгенштейна к дискуссиям представителей АФ, а не выражение некоторой этнокультурной или 'ландшафтной' установки.

Стремление вписать, возможно, самого значительного представителя традиции в ЛМФ можно понять. Но важно понимать, что оно основано не на анализе его философских идей, а на смешении очень частных биографических деталей и периферийных интересов. Сложности же, которые имели место в его отношениях с коллегами, по всей видимости, объясняются оригинальностью и радикальностью его идей, но никак не 'ландшафтным конфликтом'.

5. Отношение к науке как альтернатива ЛМФ

В противовес географическому редукционизму ЛМФ мы предлагаем понимание АФ и, соответственно, прояснение оппозиции АФ/КФ через отношение их представителей к науке. Собственно, само различие между двумя философскими традициями можно рассматривать как отражение имеющихся в XX—XXI вв. двух разных отношений к науке, истине, культуре и самому философствованию. АФ нацелена на ясность, научность, дедукцию в духе естествознания и математики, а КФ — на рефлексию над условиями возможности знания, на критику языка, власти, субъектности. Эти направления не только по-разному понимают философию, но и опираются на различные образы самой науки.

Разграничение между философскими традициями можно рассматривать как отражение этой противоположности. Следуя своим истокам в логическом позитивизме, логицизме и языковом анализе, АФ унаследовала веру в науку как модель рациональности и стандарт знания. Ее методологическая установка предполагает четкую аргументацию, логическую структуру, проверяемость и формализацию. Не случайно, что Х. Патнем указывает, что «самоимидж аналитической философии скорее научный, чем гуманитарный» [16, с. 133]. Неаналитический, или континентальный философ, таким образом, занимает позицию гуманитария, критически настроенного по отношению к научной рациональности. Аналитики стремятся сближать философию с естественными науками, ориентирясь на общие стандарты доказательства, возможности верификации и кумулятивного роста знания. Подчеркивая значимость науки для АФ и ее ориентацию на идеалы научной рациональности, Н. Решер в качестве одной из характеристик АФ выделяет 'приоритет науки' [17, с. 457—458]. Схожие мысли высказывает и Рорти: «Большинство аналитических философов не склонны понимать свою дисциплину как гуманитарную. Они считают ее точным исследованием объективного знания и по этой причине скорее схожей с естественными науками. Гуманитарные же науки они рассматривают как арену столкновения неоспариваемых мнений. Философы такого типа предпочитают располагаться — для целей исключительно административных — как можно дальше от профессоров литературы и как можно ближе к профессорам физики» [18, с. 263]. Такая пози-

ция делает АФ ближе к научному идеалу, в позитивном, контровском его понимании, в то время как континентальная традиция, напротив, сближается с критической теорией, герменевтикой, эстетикой и иными формами гуманитарного знания. Близость АФ к естествознанию отмечает также и Р. Хамфрис [11, р. 259].

Аналитическая традиция, таким образом, представляется как форма мышления, которая культивируется, а не 'произрастает' из почвы. АФ основывается на логике, которая, как известно, формальна, то есть логическая структура высказывания не зависит от происхождения субъекта. Язык в рамках АФ рассматривается как конститутивный феномен, а не как национальное или тем более географическое явление. В равной степени и научная рациональность естествознания и математика, которая выступает эталоном для АФ, несводима к 'ландшафтным мирам'. Подобный редукционизм может оказаться оправданным тогда, когда в фокусе внимания оказывается гуманитарная, критическая позиция по отношению к науке, рассмотрение ее в качестве одной из дискурсивных практик, что, на наш взгляд, идет вразрез с общим настроением представителей АФ, отмечающих близость аналитической традиции и естествознания³.

Соответственно, аналитическая философия представляет собой особый способ или стиль постановки и решения философских проблем [19, с. 237—239], который основан на приоритете науки и объединяет сегодня авторов ориентацией на эталоны физики и математики вне зависимости от географической или этнонациональной принадлежности.

Финансирование / Funding

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 26-78-1013 (<https://rscf.ru/project/26-78-10133/>).

The research was funded by the Russian Science Foundation within the project No. 26-78-1013 (<https://rscf.ru/project/26-78-10133/>).

Примечания

¹ Мы употребляем понятие *стиль* как непосредственное выражение философского мышления, а не поверхностную характеристику представления результатов исследования. Стиль, как утверждается, всегда связан с содержанием [11, р. 257—258].

² Здесь можно отметить, что, например, Фреге и Куайн, известные своими консервативными политическими взглядами, должны быть по логике Попкова и Тюгашева отнесены к КФ, что выглядит более чем странным.

³ В частности, к ним относятся Патнем, Рорти, Решер, Хамфрис и множество других авторов, которые не были процитированы в данной работе.

Список источников / References

- Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Ландшафтные миры философии: поморский ландшафт и континентальная философия // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 4. С. 65—72.
- Popkov Yu. V., Tyugashev E. A. Landscape worlds of philosophy: pomor landscape and continental philosophy. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian And Social Sciences"*. 2012;4:65—72. (In Russ.).

2. Danto A. Analytical Philosophy. *Social Research*. 1980;47(4):612–634.
3. СтрOLL А. Аналитическая философия: двадцатый век / пер. с англ. В. В. Целищева. Москва: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. 384 с.
- Stroll A. Analiticheskaya filosofiya: dvadtsatyy vek / trans. from Engl. V. V. Tselishchev. Moscow, 2020. 384 p. (In Russ.).
4. Bergmann G. Logic and Reality. Madison: The University of Wisconsin Press, 1964. 355 p.
5. Rorty R. Introduction: Metaphysical Difficulties of Linguistic Philosophy. *The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method* / Ed. R. Rorty. Chicago: The University of Chicago Press, 1992. P. 1–39.
6. Surkis J. When Was the Linguistic Turn? A Genealogy. *American Historical Review*. 2012;117(3):700–722. <https://doi.org/10.1086/ahr.117.3.700>.
7. Медведев В. И. Философия языка. Очерки истории. Санкт-Петербург: РХГА, 2012. 336 с.
- Medvedev V. I. Filosofiya yazyka. Ocherki istorii. Saint Petersburg, 2012. 336 p. (In Russ.).
8. Marty A. Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie. Halle: Max Niemeyers Pub., 1908. 764 s.
- Marty A. Studies on the foundations of general grammar and philosophy of language. Halle: Max Niemeyers Pub., 1908. 764 p. (In Germ.).
9. Громов Р. А. Антон Марти — философия языка брентановской школы // Логос. 2004. № 41. С. 106–137.
- Gromov R. A. Anton Marti — filosofiya yazyka brentanovskoy shkoly. *Logos*. 2004;41:106–137. (In Russ.).
10. Ладов В. А. Формальный реализм. Томск: Издательство Томского университета, 2011. 132 с.
- Ladov V. A. Formal'nyy realizm. Tomsk, 2011. 132 p. (In Russ.).
11. Humphries R. Analytic and Continental: The Division in Philosophy. *The Monist*. 1999;82(2):253–277. <https://doi.org/10.5840/monist199982212>.
12. Levy N. Analytic and Continental Philosophy: Explaining the Differences. *Metaphilosophy*. 2003;34(3):284–304. <https://doi.org/10.1111/1467-9973.00274>.
13. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. 160 с.
- Liotar Zh.-F. Sostoyaniye postmoderna / trans. from Fr. N. A. Shmatko. Moscow; Saint Petersburg, 1998. 160p. (In Russ.).
14. Уэст, Д. Континентальная философия. Введение / пер. с англ. Д. Ю. Краlechкина. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 448 с.
- Uest. D. Kontinental'naya filosofiya. Vvedeniye / trans. from Engl. D. Yu. Kralechkin. Moscow, 2015. 448 p. (In Russ.).
15. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. I. / пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева. Москва: Гнозис, 1994. С. 75–320.
- Vitgenshteyn L. Filosofskiye issledovaniya / trans. from Germ. M. S. Kozlova, Yu. A. Aseyev. *Filosofskiye Raboty*. P. I. Moscow, 1994. P. 75–320. (In Russ.).
16. Патнем Х. Полвека философии, рассмотренные изнутри / пер. с англ. В. В. Целищева. Москва, 2021. С. 101–135.
- Patnem Kh. Polveka filosofii, rassmotrennyye iznutri / trans. from Engl. V. V. Tselishchev. Moscow, 2021. P. 101–135. (In Russ.).
17. Решер Н. Взлет и падение аналитической философии / пер. с англ. А. В. Пономаревой // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). Москва: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. С. 454–465.
- Resher N. Vzlet i padeniye analiticheskoy filosofii / trans. from Engl. A. V. Ponomareva. *Analiticheskaya Filosofiya: Stanovleniye i Razvitiye (Antologiya)*. Moscow, 1998. P. 454–465. (In Russ.).
18. Рорти Р. Аналитическая и трансформативная философия / пер. с англ. А. А. Юрганова // Философский журнал. 2018. №3. С. 5–19. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2018-11-3-5-19>. EDN: VAEFKY.
- Rorti R. Analiticheskaya i transformativnaya filosofiya / trans. from Engl. A. A. Yurganov. *Filosofskiy Zhurnal*. 2018;3:5–19. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2018-11-3-5-19>. EDN: VAEFKY. (In Russ.).
19. Фоллесдал Д. Аналитическая философия: что это такое и почему этим стоит заниматься? / пер. с англ. В. А. Ладова // Аналитическая философия права: юридический язык и речевые акты. Москва: Канон+, 2023. С. 219–239.
- Follesdal D. Analiticheskaya filosofiya: chto eto takoye i pochemu etim stoit zanimat'sya? / trans. from Engl. V. A. Ladov. *Analiticheskaya Filosofiya Prava: Yuridicheskiy Yazyk i Rechevyue Akty*. Moscow, 2023. P. 219–239. (In Russ.).
- Информация об авторе:**
АНДРУШКЕВИЧ Александр Геннадьевич, младший научный сотрудник Лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, г. Томск; старший преподаватель Отделения социально-гуманитарных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета, г. Томск.
SPIN-код: 5983-4682
AuthorID (РИНЦ): 1116402
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1004-3481>
AuthorID (SCOPUS): 58864151600
e-mail: andryusha.fsf@gmail.com
- Прозрачность финансовой деятельности:** автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
При подготовке данной рукописи автор не использовал генеративный искусственный интеллект или аналогичные автоматизированные инструменты.
- Статья поступила в редакцию 24.09.2025; одобрена после рецензирования 28.04.2026; принята к публикации 09.09.2026.
- Information about the author:**
ANDRUSHKEVICH Aleksandr Gennad'yevich, Junior Researcher of the Logical and Philosophical Studies Laboratory, Tomsk Scientific Center Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Tomsk; Senior Lecturer of the Social Sciences and Humanities Department, National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk.
SPIN-code: 5983-4682
AuthorID (RSCI): 1116402
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1004-3481>
AuthorID (SCOPUS): 58864151600
e-mail: andryusha.fsf@gmail.com
- Financial transparency:** the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.
The author has read and approved the final manuscript.
The author did not use the Artificial Intelligence or similar automated tools in the article.
- The article was submitted 24.09.2025; approved after reviewing 28.04.2026; accepted for publication 09.09.2026.